

Пушкин Александр Сергеевич

Борис Годунов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Сергеевич П.**
Борис Годунов / Пушкин Александр Сергеевич – М.: Книга по Требованию,
2024. – 142 с.

ISBN 978-5-519-79954-6

ISBN 978-5-519-79954-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1824 году вышли въ свѣтъ X и XI томы Исторіи государства Россійскаго Карамзина. Въ нихъ изображены царствованія Феодора Іоанновича, Бориса Годунова и Лжедмитрія. Чтеніе ихъ такъ увлекло Пушкина, что онъ остановился на мысли представить въ драматической формѣ трагическую судьбу Годунова. «Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей, говоритъ онъ, дало мнѣ мысль оживить въ драматическихъ формахъ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени».

На этотъ трудъ Пушкинъ употребилъ весь 1825 годъ, и мы по справедливости должны повторить его слова: «труды мои были ревностны и добросовѣстны». «Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта*), плодъ добросовѣстныхъ изученій, постоянного труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю

*) Въ помѣстьи отца, въ селѣ Михайловскомъ, Псковской губерніи.

насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ одобреніе малаго числа избранныхъ».

Прежде всего Пушкину нужно было выяснить сущность и цѣль трагедіи или ея теорію. До него наши писатели слѣдовали французской классической теоріи; но въ двадцатыхъ годахъ повторяя нѣмецкіе взгляды и критики, новое поколѣніе писателей стало требовать новой *романтической* драмы, хотя еще и не выяснило себѣ сущности романтизма, который иными смѣшивался съ народностью. Пушкинъ хорошо понималъ несостоятельность трехъ единствъ и многихъ правилъ старой теоріи; но чтобы отвергнуть ихъ, нужно было выработать какія либо новыя основанія. Онъ принялся за изученіе драмъ Шекспира, сравнивая ихъ съ драматическими произведеніями другихъ европейскихъ писателей, выводилъ свои соображенія, которыя и примѣнялись имъ къ его собственному труду.

«Съ 1820 года, говоритъ онъ, будучи удаленъ отъ московскихъ и петербургскихъ обществъ, я въ однихъ журналахъ могъ наблюдать направленіе нашей словесности. Читая жаркіе споры о романтизмѣ, я вообразилъ, что и въ самомъ дѣлѣ намъ наскучили правильность и совершенство классической древности и блѣдные однообразные списки ея подражателей, что утомленный вкусъ требуетъ иныхъ сильнѣйшихъ ощущеній и ищетъ ихъ въ мутныхъ но кипящихъ источникахъ новой народной поэзіи. Мнѣ казалось однако довольно страннымъ, что младенческая наша словесность, ни въ какомъ родѣ не представляющая никакихъ образцовъ, уже успѣла немногими опытами притупить вкусъ читающей публики; но, думалъ я, французская словесность,

вѣѣмъ намъ съ младенчества и такъ коротко знакомая, вѣроятно причиною сего явленія. Искренно признаюсь, что я воспитанъ въ страхѣ почтеннѣйшей публки и что не вижу никакого стыда угождать ей и слѣдовать духу времени>..... «Я твердо увѣренъ, что нашему театру приличны народные законы драмы шекспировой, а не свѣтскій обычай трагедіи Расина, и что всякій неудачный опытъ можетъ замедлить преобразованіе нашей сцены...»

Дойдя до такого убѣжденія, Пушкинъ тѣмъ ревностнѣе сталъ выяснять себѣ эти законы народной драмы. Мысли о драмѣ, разсѣянные въ разныхъ письмахъ къ пріятелямъ и въ его запискахъ, представляются плодомъ его внимательнаго изученія драматическаго искусства. Нѣкоторыя изъ нихъ мы приведемъ здѣсь, такъ какъ онѣ сопровождали трудъ Пушкина.

«При сочиненіи Годунова я думалъ вообще о трагедіи. Родъ этотъ не изслѣдованъ. Законы его стараются вывести изъ правдоподобія, а по существу своему драма исключаетъ правдоподобіе. Не говоря уже о единствѣ времени и мѣста, да какое же правдоподобіе можетъ быть въ залѣ, одна половина еоторой наполнена 2000 человекъ, а другая людьми, которые стараются показать, что не замѣчаютъ первыхъ. 2. *языкъ*, напр. Филоктетъ у Лагарпа чистымъ французскимъ языкомъ отвѣчаетъ Пирру, выслушавъ его тираду: увы! я слышу сладкіе звуки *еллинской рѣчи*. Все это только условное правдоподобіе. Истинные геніи трагедіи понимали иначе: они старались достигнуть только правдоподобія характеровъ и положеній... Правдоподобіе положеній, истина разговора вотъ настоящіе законы трагедіи.... Существуетъ еще заблужденіе: придумавъ разъ

какойнибудь характеръ, писатель старается высказать его и въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ — злодѣй говоритъ: *дайте мнѣ пить*, какъ злодѣй, а это смѣшно... Это однообразіе, этотъ придуманный лаконизмъ и безпрерывная ярость — все это далеко отъ природы. Отсюда неловкость разговора и бѣдность его. Но разверните Шекспира. Никогда не выдастъ онъ своего дѣйствующаго лица преждевременно. Оно говоритъ у него со всею беззаботностію жизни, потому что въ данную минуту, въ настоящее время поэтъ уже знаетъ, какъ заставить его говорить, сообразно характеру, имъ выражаемому. . .

«Что развивается въ трагедіи? какая цѣль ея? Человѣкъ и народъ — судьба человѣческая, судьба народная. Что нужно драматическому писателю? Философія, безпристрастіе, государственныя мысли историка, догадливость, живость воображенія, отсутствіе предразсудковъ и всякой любимой мысли.

«Драма родилась на площади и составляла увеселеніе народное. Народъ, какъ дѣти, требуетъ занимательности дѣйствія. Драма представляетъ ему необыкновенное истинное происшествіе; народъ требуетъ сильныхъ ощущеній (для него и казни зрѣлище); трагедія преимущественно выводитъ предъ нимъ тяжкія злодѣянія, страданія сверхъестественныя, даже физическія (напр. Филоклетъ, Эдипъ, Лиръ). Но привычка притупляетъ ощущенія; воображеніе привыкаетъ къ убійствамъ и казнямъ, смотритъ на нихъ уже [равнодушно; изображеніе же страстей и души человѣческой для него всегда занимательно, велико и поучительно. Драма стала завѣдывать страстями и душою человѣческой. Смѣхъ, жалость и ужасъ суть три струны нашего воображенія,

потрясаемая волшебством драмы; но смѣхъ скоро ослабѣваетъ и на немъ одномъ не возможно основать полнаго драматическаго дѣйствія. Древніе трагики пренебрегали сею пружиною. Народная сатира овладѣла ею исключительно и приняла форму драматическую, болѣе какъ пародію. Такимъ образомъ родилась комедія, современемъ столь усовершенствованная. Замѣтимъ, что высокая комедія не основана единственно на смѣхѣ, но на развитіи характеровъ и что нерѣдко близко подходитъ къ трагедіи. Истина страстей, правдоподобіе чувствованій въ предполагаемыхъ обстоятельствахъ — вотъ чего требуетъ нашъ умъ отъ драматическаго писателя.

«Драма оставила площадь и перенеслась въ чертоги образованнаго избраннаго общества. Между тѣмъ драма остается вѣрною первоначальному своему назначенію дѣйствовать на толпу, занимать ея любопытство. Но тутъ что привлекаетъ вниманіе образованнаго просвѣщеннаго зрителя, какъ не изображеніе великихъ историческихъ происшествій. Отселѣ исторія перенеслась на театръ; народы и вожди ихъ выведены передъ нами драматическимъ поэтомъ. Въ чертогахъ драма измѣнилась, голосъ ея понизился; она не имѣла уже нужды въ крикахъ. Она оставила маску преувеличенія, необходимую на площади, но излишнюю въ комнатѣ; она явилась проще, естественнѣе. Чувства, болѣе утонченныя, уже не требовали сильнаго потрясенія. Она перестала изображать отвратительныя страданія, отвыкла отъ ужасовъ, мало по малу сдѣлалась благопристойна и важна. Отселѣ важная разница. Творецъ трагедіи народной былъ образованнѣе своихъ зрителей; онъ это зналъ и давалъ имъ свои свободныя произведенія съ увѣ-

ренностію въ своей возвышенности, и публика безпрекословно это признавала. При дворѣ на оборотъ, поэтъ чувствовалъ себя ниже своей публики! зрители были образованнѣе его, по крайней мѣрѣ такъ думалъ и онъ, и они; онъ не предавался вольно и смѣло своимъ вымысламъ; онъ старался угадывать требованія утонченнаго вкуса людей, чуждыхъ ему по состоянію; онъ боялся унижить такое-то высокое званіе, оскорбить такихъ-то спѣсивыхъ своихъ патроновъ: отъ сего и робкая чопорность, и отселѣ смѣшная надутость, вошедшая въ пословицу (*un héros un roi de comédie*) и привычка влагать въ уста людямъ высшаго состоянія съ какимъ-то подобострастіемъ странный, нечеловѣческій образъ изъясненія...

«Мы къ этому привыкли, намъ кажется, что такъ и быть должно; но надобно признаться, что у Шекспира этого не замѣтно. И если иногда герои выражаются въ его трагедіяхъ, какъ конюхи, то намъ это не странно, ибо мы чувствуемъ, что и знатные должны выражать простыя понятія, какъ простые люди.

«Драма никогда не была у насъ потребностію народною. Первые трупы, появившіяся въ Россіи, не привлекали народа, не понимавшаго драматизма и не привыкшаго къ его условіямъ... Отчего нѣтъ у насъ трагедій? Не худо было бы рѣшить: можетъ ли она и быть? Мы видѣли, что народная трагедія родилась на площади, образовалась и потомъ уже была призвана въ аристократическое общество. У насъ было напротивъ. Мы захотѣли придворную Сумароковскую трагедію низвести на площадь; но есть препятствія... Трагедія наша, образованная по примѣру трагедіи Расина, можетъ ли отказаться отъ аристократическихъ своихъ привычекъ,

отъ своего разговора, размѣреннаго, важнаго и напыщенно благопристойнаго? Какъ ей перейти къ грубой откровенности народныхъ страстей, къ вольности сужденій площади? какъ ей вдругъ отстать отъ подобострастія? какъ ей обойтись безъ правилъ, къ которымъ она привыкла? и у кого ей выучиться нарѣчію, понятному народу? какія суть страсти сего народа, какія струны его сердца, гдѣ найдетъ онъ себѣ созвучія — словомъ, гдѣ зрители, гдѣ публика? вмѣсто публики встрѣтитъ она тотъ же малый, ограниченный кругъ и оскорбитъ его привычки, вмѣсто созвучія, отголоска и рукоплесканій услышитъ она мелочную привязчивую критику. Передъ нею возстанутъ непреодолимыя преграды; для того чтобъ она могла разставить свои подмостки, надобно было бы перемѣнить обычаи, нравы и понятія».

Разсуждая такимъ образомъ и отрекаясь отъ прежнихъ правилъ драмы, понятно, Пушкинъ долженъ былъ чувствовать невольный страхъ, что попытки его создать русскую народную драму будутъ признаны незаконными со стороны публики; но тѣмъ не менѣе творческій духъ влекъ его къ этимъ попыткамъ, а поэтическое чутье выбрало въ образцы Шекспира. «По примѣру Шекспира, я ограничился изображеніемъ эпохъ и лицъ историческихъ, не гоняясь за сценическими эффектами, романтическими вспышками и проч. Стиль ея (драмы) вышелъ смѣшанный. Онъ пошелъ и низокъ тамъ, гдѣ мнѣ приходилось выводить грубыя и пошлыя лица... Вы спросите: трагедія ли это только съ характерами, или трагедія съ историческою вѣрностью? Я избралъ легчайшій путь, но старался соединить оба эти рода. Я пишу и вмѣстѣ думаю. Большая часть сценъ требовала только обсужденія. Когда приходилъ я къ сценѣ, требовавшей

уже вдохновенія, я или переживалъ, или просто пере-скакивалъ черезъ нее. Этотъ способъ работать для меня совершенно новъ».

Обсужденія Пушкина конечно касались тѣхъ сценъ, которыя онъ заимствовалъ изъ Исторіи Карамзина. Драматическому писателю нужны государственныя мысли историка, думалъ Пушкинъ, и остановился на этихъ мысляхъ Карамзина, за которыми призналъ «свѣтлое развитіе происшествій». Дѣйствительно онъ основалъ свою драму на взглядахъ Карамзина, и самъ постоянно указывалъ на эту связь свою съ Карамзинымъ. Ему даже казалось, что для полной оцѣнки его труда, необходимо прежде хотя пробѣжать нѣкоторыя страницы исторіи Карамзина. «Вотъ моя трагедія, писалъ онъ одному изъ пріятелей, но прежде всего требую, чтобы вы пробѣжали послѣдній томъ *) Карамзина. Она исполнена шутокъ и тонкихъ намековъ, относящихся къ исторіи того времени; надо умѣть понимать ихъ — *sine qua non*...» «Трагедія моя уже извѣстна почти всѣмъ тѣмъ, мнѣніемъ которыхъ дорожу. Одного не доставало въ числѣ моихъ слушателей: того, кому я обязанъ мыслию моей трагедіи, чей геній одушевилъ и поддержалъ меня, чье одобреніе представлялось воображенію моему сладкою наградою и единственно развлекало посреди уединеннаго труда». Посвящая свой трудъ имени Карамзина, Пушкинъ какъ бы приглашалъ этимъ провѣрить свою драму исторіей и на основаніи этой провѣрки дѣлать оцѣнку его труду.

Мы выписываемъ здѣсь изъ исторіи Карамзина тѣ страницы, въ которыхъ особенно ярко высказался взглядъ

*) Т. е. *одиннадцатый*, для того времени дѣйствительно послѣдній, такъ какъ *двѣнадцатый* былъ изданъ уже въ 1829 году.

историка на событія и на личность самого Бориса, взглядъ, перешедшій и въ драму Пушкина. Но усвоивъ себѣ этотъ взглядъ, расположивъ сообразно съ нимъ самыя сцены, поэтъ не могъ довольствоваться одними разсказами историка: его творчество требовало еще другихъ матерьяловъ. Въ своихъ теоретическихъ соображеніяхъ «истину разговора» онъ призналъ однимъ изъ важныхъ законовъ трагедіи. Эту истину поэтъ могъ угадать только съ помощью изученія русскихъ лѣтописей и другихъ письменныхъ памятникѡвъ, современныхъ событію. Чтобы оживить дѣйствующія лица, ему нужно было угадать ихъ образъ мыслей, ихъ сокровенныя думы, языкъ, которымъ они говорили. И надо сказать, поэтъ-художникъ отлично сумѣлъ воспользоваться тѣмъ матерьяломъ, который былъ у него подъ рукою. Онъ изучилъ всѣ доступные ему источники, указанные Карамзинымъ въ примѣчаніяхъ. Благодаря имъ, онъ могъ сообщить рѣчи каждаго лица особый колоритъ, по которому можно судить о характерѣ и о духовномъ настроеніи человѣка. Если въ своихъ теоретическихъ соображеніяхъ Пушкинъ не успѣлъ выяснить себѣ вполне идею трагедіи, если изъ исторіи Карамзина усвоилъ себѣ взгляды, съ которыми историческая критика можетъ быть не совсѣмъ согласна, зато изъ лѣтописей творческій его духъ извлекъ такія черты, которыя ставятъ его произведеніе на степень первоклассныхъ художественныхъ произведеній: оно проникнуто живымъ духомъ той эпохи, которую представляетъ; этому духу не измѣняетъ никто, отъ царя и патріарха до послѣдняго бродяги. Изъ приведенныхъ нами подстрочныхъ примѣчаній можно видѣть, какъ пользовался поэтъ сырымъ матерьяломъ, и какъ его перерабатывала фантазія художника въ живые образы.

Этою стороною произведенія былъ доволенъ и самъ авторъ; какъ художникъ онъ дорожилъ ею, и не удивительно, что его драма сдѣлалась любимымъ его дѣтищемъ. Но въ тоже время онъ чувствовалъ, что она не можетъ назваться трагедіей, хотя ему и не хотѣлось сознаться въ томъ. Этимъ объясняется та медленность, съ какою онъ приступалъ къ ея изданію, опасеніе за ея судьбу, робость передъ судомъ публики. Готовя свой трудъ къ печати, онъ нѣсколько разъ принимался писать предисловіе къ нему, стараясь увѣрить и себя и публику, что онъ сталъ равнодушенъ къ ея похвалѣ и порицаніямъ, что ея строгость или равнодушіе не могутъ уже имѣть вліянія на труды его; но кончилъ тѣмъ, что издалъ свой трудъ (въ 1831 г.) безъ всякаго предисловія, исключивъ изъ заглавнаго листа названіе *трагедіи*, хотя передъ тѣмъ въ письмахъ къ друзьямъ постоянно употреблялъ это слово, говоря о своемъ драматическомъ трудѣ. Публика дѣйствительно отнеслась слишкомъ холодно къ новой драмѣ, не понявъ настоящихъ ея достоинствъ и не найдя въ ней того, чего ожидала отъ каждой трагедіи. Только слѣдующее поколѣніе, развившее въ себѣ эстетическое чувство на поэзіи того же Пушкина, сумѣло оцѣнить по достоинству его произведеніе; а мы признаемъ, что трудъ, потраченный на внимательное его изученіе, не будетъ бесполезнымъ трудомъ.

В. Стоюнинъ.